

Ad fontes

АФ

Выпуск 19

**К 300-ЛЕТИЮ
НАЧАЛА ЭКСПЕДИЦИИ
ДАНИЭЛЯ ГОТЛИБА
МЕССЕРШМИДТА
В СИБИРЬ (1719–1727)**



AF

Ad fontes Выпуск 19

Материалы и исследования
по истории науки

Научный совет серии

д-р ист. наук Е. Ю. Басаргина, чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков,
д-р ист. наук С. Н. Искюль, акад. РАН Н. Н. Казанский,
акад. РАН А. В. Лавров, акад. Гёттингенской АН В. Лефельдт,
акад. РАН И. П. Медведев, акад. РАН С. И. Николаев,
чл.-корр. РАН И. Ф. Попова,
чл.-корр. РАН И. В. Тункина (председатель)

SERIES AD FONTES
MATERIALS AND STUDIES ON THE HISTORY OF SCIENCE
ISSUE 19

TO THE 300th ANNIVERSARY
OF THE BEGINNING OF THE
DANIEL GOTTLIEB
MESSERSCHMIDT'S
EXPEDITION TO SIBERIA
(1719–1727)

Editor-in-chief
Corresponding member of the RAS I. V. Tunkina



St. Petersburg

2021

Серия AD FONTES

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

Выпуск 19

К 300-ЛЕТИЮ НАЧАЛА
ЭКСПЕДИЦИИ
ДАНИЭЛЯ ГОТЛИБА
МЕССЕРШМИДТА
В СИБИРЬ
(1719–1727)

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН И. В. Тункина



Санкт-Петербург

2021

УДК 910.3:929
ББК 26.89г
К11

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

Рецензенты:
д-р ист. наук И. В. Черказянова (МАИИКРН),
О. А. Кирикова (СПбФ АРАН)

**К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта
К11 в Сибирь (1719–1727)** : сб. статей / [сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь,
И. В. Тункина] ; отв. ред. чл.-корр. РАН И. В. Тункина ; СПбФ АРАН. —
СПб. : «Реноме», 2021. — 352 с. : ил. ; [12] с. цв. ил. — (Ad fontes. Материалы
и исследования по истории науки ; вып. 19).

ISBN 978-5-00125-430-0

DOI: 10.25990/archiveras.messer.1eg1-ry03

Сборник статей посвящен биографии и деятельности Даниэля Готлиба Мессершмидта, руководителя первой научной экспедиции в Сибирь (1719–1727), и отражает различные аспекты его штудий в области медицины, естественной истории, картографии и географии, археологии, лингвистики, востоковедения. Впервые публикуются сведения, касающиеся приглашения ученого на русскую службу, материалы к биографиям его спутников по экспедиции и др.

Издание рассчитано на историков, науковедов, архивистов, исследователей всех специальностей, занимающихся архивными изысканиями, студентов и широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития науки в XVIII веке и историей изучения Сибири.

УДК 910.3:929
ББК 26.89г



Подготовка к изданию осуществлена при финансовой поддержке
РФФИ, проект № 20-011-42006 «Научное изучение Сибири
в Петровскую эпоху: архивное наследие Д. Г. Мессершмидта»

Funding: The research was funded by RFBR, project number 20-011-42006

© Авторы статей, тексты, 2021

© Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина,
составление, 2021

© Санкт-Петербургский филиал Архива
Российской академии наук, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-00125-430-0

© ООО «Реноме», редакционно-издательская подготовка, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина.</i> Научное наследие Даниэля Готлиба Мессершмидта в новейших исследованиях петербургских ученых	9
---	---

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О Д. Г. МЕССЕРШМИДТЕ И УЧАСТНИКАХ ЕГО ЭКСПЕДИЦИИ ПО СИБИРИ

<i>В. Лефельдт.</i> О подготовке биографии Д. Г. Мессершмидта и о рукописи «Sibiria Perlustrata»	19
<i>В. Лефельдт.</i> Документы научной библиотеки в Готе, относящиеся к приглашению и к поездке Д. Г. Мессершмидта в Россию	24
<i>Л. Д. Бондарь, В. Лефельдт, И. В. Тункина.</i> Д. Г. Мессершмидт как ученый-пиетист	28
<i>С. И. Зенкевич.</i> Медицинская деятельность Д. Г. Мессершмидта в Тобольске	37
<i>В. Лефельдт.</i> Д. Г. Мессершмидт и Гёттинген в XVIII в.	49
<i>Н. Н. Казанский.</i> К изучению латинских стихотворений Д. Г. Мессершмидта	53
<i>И. В. Тункина.</i> К биографии Карла Густава Шульмана	57
<i>Ю. И. Чивтаев.</i> Спутники Д. Г. Мессершмидта	65
<i>В. Лефельдт, М. Кнюппель, И. В. Тункина, А. Х. Элерт.</i> Письмо Ф. И. фон Страленберга Э. Бенцелиусу Младшему о народах и древностях Сибири	119

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ КАК НАТУРАЛИСТ

<i>А. В. Смирнов.</i> Даниэль Готлиб Мессершмидт как зоолог: изучение архивного наследия	145
<i>Л. Д. Бондарь, А. В. Кургузова, М. В. Поникаровская.</i> От врача до минеролога: минералогические исследования Д. Г. Мессершмидта в Сибири	168
<i>А. К. Сытин, Ю. И. Чивтаев.</i> О практике измерений у натуралистов первой половины XVIII в. в России	183

Д. Г. МЕССЕРШМИДТ КАК ПУТЕШЕСТВЕННИК, КАРТОГРАФ, ХУДОЖНИК, ИСТОРИК, ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ

<i>Л. Д. Бондарь.</i> Рабочие зарисовки Д. Г. Мессершмидта как исторический источник	199
<i>Ю. И. Чивтаев.</i> Топонимы Нижней Тунгуски в дневнике Д. Г. Мессершмидта как источник научной информации	214

Л. Д. Бондарь, Ю. И. Чивтаев. О двух картографических рисунках Д. Г. Мессершмидта	227
Е. Ю. Басаргина. «Филологический образец» Д. Г. Мессершмидта 1720 г. ..	233
М. Кнйррел. Einige Bemerkungen zu den Darstellungen sibirischer Felsbilder bei N. Witsen (1785)	240
Д. Г. Савинов. Культурно-хронологическая атрибуция рисунков памятников археологии из рукописи Д. Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata»	252
И. В. Тункина. Памятники археологии Сибири в рисунках экспедиций Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера	266

**МАТЕРИАЛЫ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ И ЛИНГВИСТИКЕ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА**

Л. Д. Бондарь, М. В. Поникаровская. Зоолог или лингвист? Работа Д. Г. Мессершмидта с зоологической лексикой	275
А. В. Зорин. О тибетских рукописях из коллекции Д. Г. Мессершмидта в собрании Института восточных рукописей РАН	291
А. В. Зорин. О тибетских рукописях, приобретенных Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге в 1721 г.	306
А. В. Зорин. Тибетский словник в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта ...	319
А. А. Сизова. Сведения о монгольских языках в дневниках Д. Г. Мессершмидта	330
А. А. Сизова. Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д. Г. Мессершмидта	343

CONTENTS

<i>E. Yu. Basargina, L. D. Bondar, I. V. Tunkina.</i> The scientific heritage of Daniel Gottlieb Messerschmidt in the latest research of St. Petersburg scientists	9
--	---

NEW ARCHIVE MATERIALS ABOUT D. G. MESSERSHMIDT AND MEMBERS OF HIS SIBERIAN EXPEDITION

<i>W. Lehfel'dt.</i> On the preparation of the biography of D. G. Messerschmidt and his manuscript «Sibiria Perlustrata»	19
<i>W. Lehfel'dt.</i> Documents of the scientific library in Gotha relating to the invitation and to the trip of D. G. Messerschmidt to Russia	24
<i>L. D. Bondar, W. Lehfel'dt, I. V. Tunkina.</i> D. G. Messerschmidt as a scientist-pietist	28
<i>S. I. Zenkevich.</i> Medical Activity of D. G. Messerschmidt in Tobolsk	37
<i>W. Lehfel'dt.</i> D. G. Messerschmidt and Göttingen in the 18 th Century	49
<i>N. N. Kazansky.</i> To the study of the Latin epigrams by D. G. Messerschmidt . . .	53
<i>I. V. Tunkina.</i> To the biography of Karl Gustav Schulmann	57
<i>Yu. I. Chiv'taev.</i> Companions of D. G. Messerschmidt	65
<i>W. Lehfel'dt, M. Knüppel, I. V. Tunkina, A. Kh. Elert.</i> Ph. J. von Strahlenberg's letter to E. Benzelius the Younger on the peoples and antiquities of Siberia	119

D. G. MESSERSCHMIDT AS A NATURALIST

<i>A. V. Smirnov.</i> Daniel Gottlieb Messerschmidt as a zoologist: the study of archival heritage	145
<i>L. D. Bondar, A. V. Kurguzova, M. V. Ponikarovskaya.</i> From a physician to a mineralogist: mineralogical research of D. G. Messerschmidt in Siberia . . .	168
<i>A. K. Sytin, Yu. I. Chiv'taev.</i> On the method of measuring in practice of naturalists in early 18 th century in Russia	183

D. G. MESSERSCHMIDT AS A TRAVELER, CARTOGRAPHER, PAINTER, HISTORIAN, ETHNOGRAPHER, ARCHAEOLOGIST

<i>L. D. Bondar.</i> Sketches of D. G. Messerschmidt as a historical source	199
<i>Yu. I. Chiv'taev.</i> Place names of the Lower Tunguska river in the D. G. Messerschmidt's diary as a source of scientific information	214

<i>L. D. Bondar, Yu. I. Chivtaev.</i> Sketches of D. G. Messerschmidt as a historical source	227
<i>E. Ju. Basargina.</i> D. G. Messerschmidt's «Philological sample», 1720	233
<i>M. Knüppel.</i> Some remarks on the Siberian rock art samples in the work of N. Witsen (1785)	240
<i>D. G. Savinov.</i> Cultural and chronological attribution of drawings of archaeological monuments from the D. G. Messerschmidt's manuscript «Sibiria Perlustrata»	252
<i>I. V. Tunkina.</i> Archaeological Monuments of Siberia in the Drawings of D. G. Messerschmidt's and G. F. Müller's expeditions	266

**MATERIALS ON ORIENTAL STUDIES AND LINGUISTICS
IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF D. G. MESSERSCHMIDT**

<i>L. D. Bondar, M. V. Ponikarovskaya.</i> A Zoologist or a Linguist? D. G. Messerschmidt's Work with Zoological Vocabulary	275
<i>A. V. Zorin.</i> On the Tibetan manuscripts from the collection of D. G. Messerschmidt kept in the Institute of Oriental Manuscripts, RAS ...	291
<i>A. V. Zorin.</i> On the Tibetan manuscripts obtained by D. G. Messerschmidt in Abakansky Fortress in 1721	306
<i>A. V. Zorin.</i> The Tibetan vocabulary found in the D. G. Messerschmidt's travel diary	319
<i>A. A. Sizova.</i> Information about the Mongolic languages in D. G. Messerschmidt's diaries	330
<i>A. A. Sizova.</i> Buryat and foreign words in the Mongolian vocabulary compiled by D. G. Messerschmidt	343

*А. В. Зорин
Санкт-Петербург*

**О ТИБЕТСКИХ РУКОПИСЯХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
Д. Г. МЕССЕРШМИДТА В СОБРАНИИ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН**

В 2015–2018 гг. в ходе инвентаризации Тибетского фонда Института восточных рукописей РАН было выявлено несколько текстов, которые могли относиться к коллекции Д. Г. Мессершмидта, привезенной им в Санкт-Петербург в 1727 г. На двух из них имеются его автографы, другие идентифицируются с разной степенью уверенности. После того как в 1732 г. Т. З. Байер опубликовал ксилограф, полученный Мессершмидтом в Забайкалье от некоего ламы Кара-Банди, учившего его тибетскому языку, ни один из принадлежавших ему текстов не становился объектом рассмотрения. В данной статье сделана попытка сопоставить их с теми скудными сведениями о коллекции Мессершмидта, которые обнаруживаются в его путевом дневнике, а также в статьях его современника Г. Ф. Миллера. Попутно рассматриваются некоторые частные вопросы, связанные с обнаружением российскими военными в 1717–1721 гг. тибетских книг в джунгарских монастырях на Иртыше (Семь Палат и Аблай-хит) и в тувинском горном святилище у одного из притоков Енисея.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, Ф. И. Страленберг, Т. З. Байер, академическая коллекция, тибетские тексты, буддийские святилища, Семь Палат, Забайкалье.

*A. V. Zorin
St. Petersburg*

**ON THE TIBETAN MANUSCRIPTS FROM
THE COLLECTION OF D. G. MESSERSCHMIDT KEPT IN
THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS, RAS**

In 2015–2018 during the processing of the Tibetan collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, several texts that could be brought by D. G. Messerschmidt to St. Petersburg in 1727 were refound. Two of them have his autographs, the others may be identified with different degrees of certainty. After Th. S. Bayer made an edition (1732) of a block print acquired by Messerschmidt from a lama named Karabandi, who taught Tibetan to him in Transbaikalia, none of his texts was ever discussed. This paper presents

an attempt to juxtapose them with scarce data on Messerschmidt's collection found in the diary of his journey and two articles written by his contemporary G. F. Müller. At the same time it touches upon some issues connected with the 1717–1721 finding by the Russian military men of Tibetan books in Dzungar monasteries Sem Palat and Ablakit in the area of the Irtysh and in a Tuvan cave temple near to one of the tributaries of the Yenisei.

Key words: D. G. Messerschmidt, G. F. Müller, Ph. J. Strahlenberg, Th. S. Bayer, the Academy's collection, Tibetan texts, Buddhist temples, Sem Palat, Transbaikalia.

В ноябре 2018 г. в Санкт-Петербурге был торжественно отмечен двухсотлетний юбилей старейшего специализированного востоковедного учреждения нашей страны — Института восточных рукописей РАН (Азиатского музея). Однако к 1818 г., когда Азиатский музей был основан, в Библиотеке Академии наук уже хранились некоторые тексты на восточных языках. История коллекции ИВР РАН, по всей видимости, ведет отсчет с первых тибетских листов, обнаруженных в брошенном джунгарском монастыре Дархан-цоржийн-хит (более известном как Семь Палат) на берегу Иртыша и предположительно переданных Петру I сибирским губернатором М. П. Гагариным в 1718 г. (или в конце 1717 г.). Эти листы из синей бумаги с золотыми буквами первый российский император хранил в своем личном кабинете и, по сообщению анонимного корреспондента парижского издания «La Gazette», придавал большое значение их обнаружению¹. Очевидно, Петр I полагал, что они могут иметь отношение к древней истории России.

То, что речь идет о тибетских (или, как ошибочно писали европейские ученые XVIII в., «тангутских») письменах, стало понятно несколько лет спустя, когда один лист из Петербурга был воспроизведен в лейпцигском научном журнале «Acta eruditorum» И. Менке. Письменность была идентифицирована, но попытка перевода листа, заказанного Петром I у Французской академии наук, кончилась неудачей, так как в Европе еще не было лиц, владевших тибетским языком в достаточной степени. Сам этот лист, сделанный не из синей, а из черной (или темно-коричневой) бумаги, поступил в Петербург позже первых. Присланный в 1721 г. новым губернатором Сибири А. М. Черкасским, он происходил из другого брошенного джунгарами монастыря — Аблай-хита, обнаруженного российскими военными в 70 верстах от основанной осенью 1720 г. Усть-Каменской крепости. Впоследствии слава этого монастыря, обладавшего богатой библиотекой книг на тибетском и монгольском языках, затмила память о первом источнике поступлений — Семи Палатах. К сожалению, из всех богатств аблай-хитской библиотеки до нас дошло лишь около полутора тысяч листов (из них львиную долю составляют рукописи на монгольском языке),

¹ Gazette, 1721. No. 44: Du 18 Octobre 1721. P. 510.

большая часть которых была прислана в Петербург в 1734 г. участниками Второй Камчатской экспедиции Г. Миллером и И. Гмелиным².

Между этими поступлениями листов из джунгарских монастырей (при Петре I в 1718 и 1721 гг. и затем в 1734 г.) произошло еще одно важное для истории нашей тибетской коллекции событие: вернувшийся в 1727 г. из длительной экспедиции по Сибири Даниэль Готлиб Мессершмидт уступил, хотя и не по своей воле, Санкт-Петербургской академии наук приобретенные им в ходе путешествия (в основном на личные средства) тексты на тибетском языке³. Этот язык он, среди прочих своих занятий, с увлечением изучал, став одним из первых европейцев, освоивших тибетскую письменность⁴. К сожалению, обстоятельства его возвращения в Петербург не позволили ни ему, ни ученому сообществу использовать эти знания.

Собранные им тексты поступили в распоряжение акад. Т. З. Байера, который до своей преждевременной кончины успел опубликовать пекинский ксилограф с санскритской азбукой, напечатанной тремя видами письма: непальским ранджана (*тиб.* ланьца), тибетским и монгольским, и образец полууставного тибетского письма *умэ*. Надо отдать должное первому петербургскому академику-востоковеду — в своей статье он не только указал на Д. Г. Мессершмидта как на источник поступления текстов, но и высоко оценил его познания⁵. И правда, в отличие от самого Байера, чья транслитерация слогов азбуки полна ошибок⁶, Мессершмидт

² Подробнее см.: Zorin A. Tibetan Buddhist Texts Acquired by the Russian Academy of Sciences during the 18th Century // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. Tokyo, 2015. Vol. XIX. P. 1–43.

³ Это случилось в феврале 1728 г. Специально созданная комиссия АН, секретарем которой был назначен Г. Ф. Миллер, «решила, что все привезенные Д. Г. Мессершмидтом редкости должны быть переданы Академии наук, оговорив при этом, что в случае, если в числе сданных вещей окажутся лишние, то они будут ему возвращены. “Что же касается древностей, монгольских, тангутских и китайских редкостей и писмен, — пишет Миллер, — равно как и целого ряда предметов и одежды различных сибирских народов, то таковые в целях обогащения Кунсткамеры должны быть удержаны, а г-ну Мессершмидту, который не обязан был их собирать и притом, без сомнения, затратил на них свои собственные средства, должно быть выдано надлежащее денежное вознаграждение... И несмотря на то, что г-н Мессершмидт, — добавляет Миллер, — возражал против этого и подал жалобу на несправедливость решения комиссии, она осталась при принятом решении”» (Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 153; цитата взята из книги: Миллер Г. Ф. История Академии наук // Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1890. Т. VI. С. 151).

⁴ О том, как Д. Г. Мессершмидт изучал тибетский язык, находясь в Забайкалье, известно из его путевого дневника; соответствующие фрагменты довольно подробно пересказаны в книге: Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 70–74, 107–110.

⁵ Bayer Th. S. Elementa litteraturae brahmanicae, tangutanae, mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum imp. Petropolitanae. Petropoli, 1732. Т. III. P. 389, 393.

⁶ Первая и наиболее существенная для тибетологии часть статьи Т. З. Байера была переиздана, переведена на английский и проанализирована в статье: Walravens H., Zorin A. The Āli-kāli Trilingual Syllabary Brought by D. G. Messerschmidt from Siberia and Edited by G. S. Bayer in the 1720s // Journal of the International College for Postgraduate Buddhist Studies. Tokyo, 2017. Vol. XXI. P. 183–241.

не только знал, как правильно читаются буквы тибетского и других представленных в ксилографе алфавитов, но даже владел правилами традиционного тибетского *спеллинга*⁷.

Как бы то ни было, публикация Т. З. Байера, оказавшая некоторое влияние на первичное формирование знаний европейской науки о тибетском языке, до недавних пор была первым и, по сути, единственным изданием текстов из коллекции Д. Г. Мессершмидта. О судьбе же последней практически ничего не было известно, и еще несколько лет назад у автора этих строк имелись большие сомнения, что когда-либо удастся выявить относившиеся к ней тексты. Во-первых, они могли сгореть в пожаре 1747 г. наряду с другими предметами из сибирской коллекции немецкого ученого, хранившимися в Кунсткамере⁸. Во-вторых, если даже они избежали этой участи, было непонятно, какие критерии позволят идентифицировать их среди сотен других листов.

Однако в ходе инвентаризации разрозненных материалов Тибетского фонда ИВР РАН был сначала выявлен тот самый ксилограф с санскритской азбукой, который использовал Т. З. Байер. На нем обнаружилось некоторые пометки, сделанные рукой Д. Г. Мессершмидта, а также маленькая черная печать с двуглавым орлом, которую, по информации, любезно предоставленной Н. П. Копаневой, использовали в Библиотеке АН до середины XVIII в.⁹ Тогда стало ясно, что эта печать может выступать в роли идентификатора первых поступлений, хотя и не может твердо указывать на Мессершмидта как источник: она имеется, в частности, на некоторых из тысячи с лишним аблай-хитских монгольских листов на белой бумаге, предположительно присланных в 1734 г. Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным¹⁰. В Тибетском фонде ИВР РАН на данный момент выявлено несколько

⁷ Согласно этим правилам, сначала особым образом последовательно перечисляются элементы орфографии того или иного тибетского слога, после чего он произносится так, как звучит, а не пишется. То, что Д. Г. Мессершмидт был хорошо знаком с этой практикой, следует из рабочих лингвистических материалов, хранящихся в его личном фонде (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 39. Л. 12–19).

⁸ То, что часть первых тибетских листов в собрании Имп. АН действительно сгорела, получило подтверждение весной 2019 г., когда в Отделе рукописей и документов ИВР РАН О. В. Лундышевой было выявлено несколько свертков с практически полностью обгоревшими фрагментами листов, на которых тем не менее удалось различить тибетские письмена, соответствующие аблай-хитским образцам.

⁹ Ксилограф опубликован в приложении к статье: *Walravens H., Zorin A. The Āli-kāli Trilingual Syllabary...* P. 234–251; библиотечная печать дополнительно воспроизведена на с. 189.

¹⁰ Этой информацией я обязан Н. В. Ямпольской, которая выявила и описала упомянутые монгольские листы (*Ямпольская Н. В. Сводный перечень фрагментов рукописей «черных» монгольских Ганджуров в коллекции ИВР РАН // Монголика-XV. СПб., 2015. С. 48–58*). Также из Аблай-хита может происходить помеченный печатью с орлом тибетографичный свиток, состоящий в основном из ксилографических листов с сакральными буддийскими формулами; см.: *Зорин А. В. Тибетский свиток из молитвенного барабана, поступивший в Санкт-Петербург в первой половине XVIII в. // Mongolica-XXI. СПб., 2018. С. 62–66.*

единиц хранения с такой печатью: по крайней мере одна из них определенно принадлежала Мессершмидту, так как на ней имеется его автограф¹¹. Все эти листы сделаны из некрашеной бумаги восточного и в одном случае российского происхождения.

Между тем Г. Ф. Миллер, который принимал участие в работе комиссии по делу Д. Г. Мессершмидта и должен был видеть своими глазами по крайней мере некоторые из вещей его собрания, сообщает в своей статье «*De scriptis tanguticis in Sibiria repertis Commentatio*», что он привез «с собою такого же рода рукописи, как те прежние, которые считались привезенными из Семи Палат»¹², — то есть, по-видимому, рукописи на синей бумаге с золотыми письменами. Миллер был уверен, что они были получены Мессершмидтом от И. Нашивошникова в Красноярске, а тот приобрел их во время рекогносцировочного плавания по р. Енисей в случайно обнаруженном неподалеку от его притока Хемчика скальном буддийском святилище¹³. Слово «считались» в приведенной цитате как будто указывает на то, что Миллер склонялся к возобладавшей впоследствии и, как я полагаю, ошибочной гипотезе о происхождении синих листов не из Семи Палат, а из Аблай-хита. По крайней мере, трудно объяснить иначе другой его пассаж из той же работы, посвященный вопросу приенисейских находок: «По всей пещере лежат листы рукописные, которые, как видно по образцам, привезенным в Петербург пок. Мессершмидтом, и по листу, изданному Страленбергом, очень сходны с аблайкитскими»¹⁴.

То, что он должен был иметь в виду именно листы на синей бумаге, следует из записанного им, но не опубликованного письменного свидетельства И. Нашивошникова, с которым Г. Ф. Миллер лично встречался в Красноярске: «...и нашел в каменной пещере татарских писем на синей

¹¹ Впервые был опубликован в статье: *Зорин А. В.* Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН // *Mongolica-XVIII*. СПб., 2017. С. 69. Тогда мне не удалось объяснить значение этой записи, состоящей из трех элементов, в которых использованы, соответственно, латинские буквы, тибетская буква *ka* и два слова на иврите — «Моше» и «Аарон» — с отходящими от второго слова вниз вариантами огласовки буквы *alef*. Ключ к разгадке обнаружился в путевом дневнике Д. Г. Мессершмидта, о чем см. далее в статье.

¹² *Радлов В. В.* Сибирские древности. СПб., 1894. Т. 1, вып. 3. Приложения. С. 80. (Материалы по археологии России. № 15).

¹³ Оно идентифицируется как Чурумал-Бурханнэг-Хая и расположено «на горе Сюме у самого начала Саянского каньона Енисея... В настоящее время это самое известное скальное святилище на севере Центральной Азии затоплено водами Тувинского моря» (*Савинов Д. Г.* От редактора. Памятники древнетюркского времени в Улуг-Хемской котловине // *Древние тюрки в Центральной Туве* (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб., 2013. С. 4, 7). Стоит отметить, что Мессершмидт хотел совершить поездку к этому святилищу, но в итоге вынужден был отказаться от своих планов (*Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. С. 125–126. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; suppl. 6).

¹⁴ *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. С. 80.

бумаге многое число и взял я из тех писем листов с дватцать и привез с собою в город Красноярск, а когда прибыл в город Красноярск дохтур Господин Мессершмид и тех писем потребовал у меня и те писма объявил я Красноярскому воеводе господину Зубову и оной воевода те писма мне же велел отнести ко оному дохтуру и оной дохтур те писма у меня принял, в том и скаску дал за рукою»¹⁵. К этому в своей опубликованной работе Г. Ф. Миллер добавляет, что до встречи Д. Г. Мессершмидта с И. Нашивошниковым «большая часть листов успела пойти мальчикам на хлопушки»¹⁶ и еще — что «Страленберг, сопровождавший в то время Мессершмидта, привез с собою несколько листков, уступленных ему последним»¹⁷. Таким образом, если принять за истину все переданное Миллером, получится, что Мессершмидт привез в Петербург всего несколько рукописных листов приенисейского происхождения и они были сделаны из синей бумаги.

В это очень трудно поверить хотя бы потому, что лист, опубликованный Ф. И. Страленбергом в его знаменитой книге о России 1730 г. и действительно относящийся к находке И. Нашивошникова, представляет собой фрагмент обычной тибетской рукописи маленького формата на «тонкой белой холщовой бумаге»¹⁸. В отсутствие оригинала «скаска» Нашивошникова¹⁹ мы не можем проверить, действительно ли тот говорил о листах на синей бумаге, и только на ней. Если даже Г. Ф. Миллер все передал верно, публикация Страленберга показывает, что этому утверждению нельзя верить безоговорочно. Ксилограф с азбукой, принадлежавший Д. Г. Мессершмидту, и упомянутая выше рукопись с его автографом говорят о том, что его тибетская коллекция состояла отнюдь не только из тех листов, которые не успели пойти нашивошниковским мальчикам на хлопушки. Тем не менее, поскольку известно, что рукописи из коллекции Мессершмидта сохранились в Тибетском фонде ИВР РАН и по крайней мере часть из них была сделана из синей бумаги, возникает вопрос: нельзя ли

¹⁵ Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 78. Это свидетельство приложено Г. Ф. Миллером к неизданной статье «De scriptis tanguticis et Mungalicis ad Jeniseam fluvium repertis», включенной им в свои «Исторические замечания», оставшиеся в рукописи, из которой В. В. Радлов сделал перевод наиболее значимых фрагментов (Там же. С. 56). Копия упомянутой статьи сохранилась также среди бумаг Т. З. Байера, хранящихся ныне в библиотеке Университета Глазго (*Weston D. The Bayer Collection. A preliminary catalogue of the manuscripts and books of Professor Theophilus Siegfried Bayer, acquired and augmented by the Reverend Dr Heinrich Walther Gerdes, now preserved in the Hunterian Library of the University of Glasgow. University of Glasgow, 2018. P. 162*); я обязан Д. Уэстону возможностью познакомиться с нею. Приведенное выше заглавие взято мной именно оттуда, В. В. Радлов его не упоминает.

¹⁶ Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 75. В оригинале на латыни: «Folierum pleraque pueris in crepundia cesserant».

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1891. Т. 1, вып. 2. Приложения. С. 28. (Материалы по археологии России. № 5).

¹⁹ По словам Г. Ф. Миллера, документ хранился в Архиве Красноярской канцелярии; его дальнейшая судьба неизвестна.

попытаться идентифицировать последние, тем более что синих листов среди разрозненных материалов было выявлено не так много?

Наиболее вероятными кандидатами для такой идентификации мне поначалу представлялись некоторые листы, которые, как я считаю, поступили в Петербург из Семи Палат. Если бы удалось доказать, что Д. Г. Мессершмидт действительно привез из Сибири сравнительно большое их количество, это позволило бы ответить на один вопрос, который до сих пор оставался не до конца проясненным. Дело в том, что среди 33 семипалатинских единиц хранения Тибетского фонда ИВР РАН примерно половину составляют цельные листы, а вторую половину — разного рода фрагменты вплоть до срезанного тонкого слоя бумаги с текстом, что указывает на сугубо утилитарное использование буддийских рукописей, попавших в «нечестивые руки». Именно о таких дефектных листах говорится в письме Л. Блюментроста аббату Биньону в Париж в феврале 1724 г. В изложении Е. А. Княжецкой этот фрагмент выглядит следующим образом: «Он [Петр I] приказал собрать возможно больше рукописей, чтобы осветить историю страны, в которой они найдены. Новые находки хотел послать в Париж, но, к сожалению, не удалось найти значительного количества рукописей. Многие из них оказались разбросанными и разорванными невежественными людьми, которые употребляли рукописи для своих надобностей»²⁰. Наличие у нас цельных рукописных листов говорит либо об обмане со стороны Блюментроста (теоретически он мог быть оправдан возможным недовольством Петра I качеством перевода листа, ранее отправленного в Париж, при внешнем благоволении к французским переводчикам — братьям Фурмонам), либо о том, что такие листы в 1724 г. в Петербурге отсутствовали и появились там вновь только с приездом Мессершмидта.

Последний, будучи в Tobольске, имел возможность приобрести там образцы семипалатинских листов. Известно, что он обращался «в Tobольский приказ с просьбой доставить ему шайтанов, предметы, найденные в могильниках, древние татарские рукописи и т. д.»²¹. Не получив помощи от местных властей, он стал полагаться на собственные силы и, как следует из прошения на имя губернатора А. М. Черкасского от 27 мая 1720 г.²², приобрел какие-то

²⁰ Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720) // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. XXVI. С. 22–23.

²¹ Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт... С. 15–16.

²² «Того ради моего всенижайшаго следованного прибежища не вотще всей губернской канцелярии вообразати, аще что тому подобныя, к древности принадлежащая, вещи, якобы языческия шейтаны, великия мамантовы кости, древния калмыцкия и татарския писма и их праотческия писмена, такожде каменныя и кружечныя могилныя образы и устройства тем же, аз оныя по обретении списал и рисунков прислать могу» (Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / сост. Е. Ю. Басаргина, С. И. Зенкевич, В. Лефельдт, А. Л. Хосроев ; под общ. ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 245). Информация из книги М. Г. Новлянской опирается на IV рапорт Д. Мессершмидта на имя И. Блюментроста от 25 июня 1720 г. (Там же. С. 257).

«камыцкие» тексты в Тобольске²³. Учитывая, что отъезд Д. Г. Мессершмидта из губернской столицы состоялся в феврале 1721 г., нельзя исключать, что у него были еще возможности пополнить свою коллекцию.

С другой стороны, доподлинно известно, что в конце 1721 г. исследователю удалось получить несколько аблай-хитских листов, но только он не знал, что речь идет о рукописях из другого монастыря, который был обнаружен русскими военными в период между осенью 1720 г. и августом 1721 г. Об этом приобретении мы узнаем из позднейшей дневниковой записи Д. Г. Мессершмидта, в которой перечисляются вещи одного из сундуков, собранных для отправки в Санкт-Петербург из Иркутска в июне 1725 г. Здесь среди прочего значатся полученные им в декабре 1721 г. (в это время он находился в Абаканском остроге) рукописные листы: монгольские на белой бумаге с черными письменами (один свиток) и на черной бумаге с золотыми письменами (без указания количества) и два тибетских листа на черной бумаге с серебряными письменами (свернутые в один

²³ Как это могло произойти, описано шотландским путешественником Джоном Беллом, который, к слову, имел шансы стать спутником Д. Г. Мессершмидта по дороге в Пекин, если бы тому было разрешено проследовать вместе с российским посольством. Белл выехал вместе с посольством из Тобольска в январе 1720 г., успев за месяц пребывания в этом городе получить («согласно лучшим сведениям, какие я мог получить») краткое описание Семи Палат и найденных там рукописей, а также встретить «на улице солдата со связкою таких бумаг в руке». По словам Белла, «он просил меня купить их, что я и сделал, заплатив небольшую сумму» (*Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 2. С. 51*). Очевидно, что информация о Семи Палатах была получена им не от солдата, а от более образованных лиц, владевших западными языками, — например, от кого-то из пленных офицеров армии Карла XII, сосланных в Тобольск. Хотя мы не знаем, кто именно предоставил Беллу описание Семи Палат, оно производит впечатление сообщения, основанного, по крайней мере отчасти, на личном опыте: «Дом, называемый *Sedmy Palaty* (Семь Палат), лежит по правую сторону, если спускаться вниз по реке (Иртышу). Поразительно видеть среди степи такое правильное здание». Однако последующее описание, как кажется на первый взгляд, содержит ошибку: утверждается, будто здание брошенного монастыря «состоит из семи комнат под одною крышей, откуда и явилось название “Семь Палат”». По описанию Г. Ф. Миллера, в монастырском комплексе было шесть построек, из них одно («башня») находилось поодаль, а еще одно состояло из двух помещений, не соединенных дверью, отчего они могли восприниматься как «два разных строения» (*Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 58–60*). В то же время спутник Миллера И. Г. Гмелин писал о семи зданиях, из которых шесть стояли рядом друг с другом, а два из них «стенами, соединявшимися, однако же, между собою, делились как бы на камеры» (*Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 59, сн. 1; Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1751. Bd. 1. S. 216*). Нам неизвестно, сколько «камер» было в этой главной части монастыря: возможно, их было семь, в соответствии с информацией, зафиксированной Беллом из его «лучших сведений». Возможно также, что здания, стоявшие рядом, в конце 1710-х гг. составляли единый комплекс: к середине 1730-х гг. все здания были уже сильно руинированы. Как бы то ни было, ни Белл, ни Мессершмидт, ни Страленберг (а последний оказался в Тобольске еще в 1711 г., до начала всех экспедиционных действий российских войск вверх по Иртышу) не испытывали никаких сомнений в том, что в Семи Палатах были обнаружены в большом числе «тангутские» и «камыцкие» листы.

свиток)²⁴. Удивительным образом одну из тибетских рукописей удалось надежно идентифицировать в составе Тибетского фонда ИВР РАН, вторая же, скорее всего, не сохранилась. Этому вопросу посвящена отдельная статья «О тибетских рукописях, приобретенных Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге в 1721 г.» в настоящем сборнике.

В настоящий момент очень трудно сказать, сколько прииртышских листов на тибетском и монгольском языках имелось в распоряжении Д. Г. Мессершмидта. В его путевом дневнике есть две записи, которые могут относиться как к абаканскому, так и к тобольскому приобретениям исследователя: 1) 15 января 1722 г. Ф. И. фон Страленберг отмечает: «...Господин Доктор выписывал сегодня буквы из тангутских письмен»²⁵; 2) 9 марта 1722 г. «...старый толмач Степан впервые побывал у Господина Доктора. Он зачитал для него некоторые из калмыцких письмен, обнаруженных на Иртыше, и сказал, что они в основном должны относиться к такому роду [текстов], какой используется при гаданиях и прогнозах»²⁶.

Хронологическая близость двух дат (23 декабря 1721 г., когда листы были приобретены в Абакане, и 15 января 1722 г.) заставляет думать, что запись об изучении Д. Г. Мессершмидтом тибетских рукописей (между прочим, первое свидетельство его интереса к практическому изучению тибетской письменности), скорее, относится к листам, полученным в Абакане. Однако более поздняя запись о «калмыцких» листах с Иртыша (под которыми Ф. И. фон Страленберг, разумеется, мог понимать листы на монгольском, а необязательно на ойратском языке) может в равной степени отсылать как к абаканским листам, так и к гипотетическим приобретениям тобольского периода. Не стоит забывать и о том, что Страленберг также мог иметь при себе некоторые рукописи, приобретенные в Тобольске, и позволить своему спутнику работать с ними.

На мой взгляд, нельзя исключать, что монгольские листы на синей бумаге, несколько лет назад введенные в научный оборот К. В. Алексеевым, А. А. Туранской и Н. В. Ямпольской и идентифицированные ими как поступившие в Петербург из Аблай-хита²⁷, коррелируют с упомянутыми выше «калмыцкими» листами, которые могли быть приобретены еще

²⁴ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1968. Tl. 4 : Tagebuchaufzeichnungen, Februar 1725 — November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 104.*

²⁵ «Der Herr Doktor extrahierte [exzerpierte] heute aus den tangutischen Schriften die Buchstaben» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Tl. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. S. 172*). Перевод с немецкого фрагментов из дневника Д. Г. Мессершмидта здесь и ниже — мой.

²⁶ «Der alte Dolmetscher Stepan war zum erstenmal bei dem Herrn Doktor. Er las ihm etwas vor ans den kalmakschen Schriften, beim Irtytsch gefunden, die er meist solche zu sein sagte, welche sie bei ihren Wahrsagereien oder Prognostizieren gebrauchten» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 1. S. 193*).

²⁷ *Alekseev K., Turanskaya A., Yampolskaya N. Mongolian Golden Kanjur Fragments in the Collection of the IOM, RAS // Written Monuments of the Orient. 2016. Vol. 1, No. 3. P. 92–94.*

в Тобольске и происходить из Семи Палат. Правда, калмыцкий толмач Степан охарактеризовал показанные ему рукописи как тексты для гадания, в то время как синие листы представляют собой фрагменты буддийского канона. С другой стороны, как следует из приведенной выше цитаты, Д. Г. Мессершмидт показал ему только часть своих «калмыцких» рукописей. К тому же нам неизвестна степень компетенции толмача. Справедливости ради отмечу, что среди «абаканских» листов был по крайней мере один монгольский лист на синей бумаге с золотыми письменами (текстовая зона при этом покрыта черной сажевой краской, отсюда характеристика «gold auf schwarz») — следовательно, он поступил в Абакан вместе с аблай-хитскими рукописями. Впрочем, листы из двух библиотек могли смешаться в Тобольске, куда стекались все находки такого рода²⁸. Как бы то ни было, вопрос идентификации монгольских или ойратских текстов из коллекции Мессершмидта в Монгольском фонде ИВР РАН должен быть поставлен.

Стоит еще отметить, что ни Д. Г. Мессершмидт, ни Ф. И. фон Страленберг, будучи в Сибири, ничего не знали об аблай-хитской библиотеке, о которой стало известно в Тобольске уже после их отбытия из города²⁹.

²⁸ В пользу семипалатинского происхождения указанных синих листов, находящихся в собрании ИВР РАН, говорит наличие в Британской библиотеке двух аналогичных монгольских листов, подаренных Дж. Беллом Х. Слоуну (о факте передачи Слоуну некоторых рукописей, купленных в Тобольске, упоминает и сам Белл) (*Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I, вып. 2. С. 51).

²⁹ Слово «библиотека» выделено мной намеренно, поскольку о существовании самого Аблай-хита и еще двух других джунгарских монастырей Ф. И. фон Страленбергу было сообщено калмыцким толмачом Степаном 6 марта 1722 г. (*Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Tl. 1. S. 192). Занеся эту информацию в путевой дневник, он, вероятно, сделал ее известной и Д. Г. Мессершмидту, хотя никакие иные упоминания Аблай-хита в собственных трудах последнего нам не известны (см. далее о принадлежащей ему схематической карте Иртыша, где указаны только Семь Палат, а верховья реки изображены неверно). Сам Страленберг впервые упоминает Аблай-хит не как абстрактное наименование, а как место обнаружения тибетских книг только в 1730 г.: эта информация была зафиксирована им в последней версии своей карты Российской империи, подготовленной совместно с другим бывшим военнопленным капитаном И. А. Маттерном и имевшей хождение как отдельно, так и в виде приложения к книге Страленберга. У истории карты Страленберга долгая и непростая судьба (*Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М., 1966. С. 47–67). По всей вероятности, предпоследняя ее версия вышла в 1725 г.: «Прямое указание еще на одну карту Страленберга было найдено в свое время В. Ф. Гнучевой в реестрах карт Географического департамента, где она значилась как “Carte générale de la Russie, 1725. Par Strahlenberg dans un cadre doré”. Но, судя по подготовительным материалам реестра 1748 г., эта карта была уже утрачена» (Там же. С. 66). В сети Интернет на различных сайтах имеются цифровые копии анонимной карты с аннотациями на французском языке и с заглавием, содержащим посвящение почившему Петру I (из чего следует, что карта вполне может датироваться 1725 г.). Главное же, что на ней имеется групповое обозначение трех монастырей, названных Страленбергу толмачом Степаном, о которых никто иной в Европе, по-видимому, знать не мог. При этом размещено оно совершенно ошибочно — на удалении к западу от Семи Палат (Carte nouvelle de tout l’empire de la Grande Russie dans l’estat où il s’est trouvé à la mort de Pierre le Grand, dressée sur des observations toutes nouvelles et dédiée à l’immortelle mémoire de ce grand Monarque, avec privilège.

Ярким свидетельством тому служит схематическая карта с указанием местоположения Семи Палат, составленная лично Мессершмидтом 18 января 1728 г. и хранящаяся ныне в библиотеке Университета Глазго среди документов и книг Т. З. Байера. Надпись на латыни поясняет, что в Семи Палатах были обнаружены «тангутские книги, вызвавшие интерес у парижан и всех европейцев»³⁰.

Исключая листы, приобретенные 23 декабря 1721 г. в Абакане, все остальные тексты на тибетском и монгольском языках были зафиксированы Д. Г. Мессершмидтом без подробной росписи среди материалов его личной библиотеки, сложенных в другой сундук, подготовленный для путешествия из Иркутска в Санкт-Петербург. Речь идет о следующем пункте: «Различные рукописи монгольские, тангутские, индийские, китайские, нивхские, маньчжурские и т. д., [помещенные] между дощечками, 1 том»³¹. В этот «том» должны были войти, помимо иртышских и нашивошниковских листов, тексты, полученные им в Забайкалье.

Имеются три записи в дневнике после расставания с Ф. И. Страленбергом по поводу приобретения тибетских текстов от забайкальского ламы (предположительно этнического монгола или бурята), которого он именовал Кара-Банди и под руководством которого изучал «тангутский» язык в Удинске (ныне Улан-Удэ)³². Рассмотрим эти записи, попытаюсь сопоставить их с наличествующими в коллекции ИВР РАН текстами.

URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53039569n> (дата обращения: 21.11.2020). Таким образом, Страленбергу, покинувшему Сибирь в 1722 г., не были известны ни точное место расположения Аблай-хита, ни то, что в нем имела библиотека восточных книг, вплоть до конца 1720-х или даже до 1730 г. Возможно, эти сведения он получил от В. Н. Татищева, с которым состоял в переписке.

³⁰ *Weston D.* The Bayer Collection... P. 48. Я обязан Д. Уэстону возможностью познакомиться с этой картой. Она, между прочим, опровергает критические соображения Г. Ф. Миллера относительно рецензии Т. З. Байером географических сведений, полученных от Д. Г. Мессершмидта (*Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I, вып. 3. С. 80–81). Тот действительно чрезвычайно смутно представлял себе географию местности в верховьях Иртыша и указал в качестве его истока озеро *Sangin*, возможно, перепутав его с озером Зайсан.

³¹ «Manuscripta varia mongolica, tangutica, indica, chinensia, niuchea, mandshuica etc., zwischen Brettlein, 1 tomus» (*Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien... Тl. 4. S. 111).

³² В той части дневника, которую вел Ф. И. фон Страленберг, говорится еще об одном приобретении, которое, по-видимому, досталось самому Страленбергу: «3 августа 1721 г. Был сегодня у корнета Врангеля; в его квартиру пришел крестьянин с реки Берди; у него были 2 надписи, найденные у Бикатуна; я хотел купить их, но он не соглашался уступить, говоря, что хочет отдать их коменданту. <...> 12 августа 1721 г. Напоминал коменданту о калмыцких надписях. Он сказал, что получил их, и дал мне одну из них на синей бумаге; письма на ней, по его мнению, китайские, но я считаю их тангутскими. Другую надпись он послал в Чауск Кругликову, для прочтения ея; когда он получит ее обратно, то передаст мне» (*Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. 1, вып. 1. СПб., 1888. С. 11–12). Из дальнейших записей в дневнике следует, что комендант тянул с решением вопроса, так что, возможно, Страленберг не получил второй лист из Бикатуна (Бийска). По мнению барнаульского исследователя

14 апреля 1724 г. Д. Г. Мессершмидт получил от Кара-Банди для «упражнений в чтении рукопись из трех-четырех листков, ясно написанную, но только очень запачканную»³³.

В данной записи ключевым моментом является то, что Д. Г. Мессершмидт не мог точно указать количество листов в рукописи. Среди имеющихся у нас материалов, помеченных черной печатью с двуглавым орлом, две единицы хранения могут быть соотнесены с ней.

1. Небольшая рукопись, состоявшая изначально из шести листов, два из которых отсутствуют; из четырех — последний лист имеет немного иной формат и может на первый взгляд показаться не связанным с другими листами (это обстоятельство привело к тому даже, что при их инвентаризации мной были присвоены два разных шифра: Tib. 970, No. 5 и Tib. 970, No. 6). На оборотной стороне последнего листа сохранились неумелые попытки копирования тибетских букв — возможно, принадлежащие европейцу. По своему формату и стилю эта рукопись более всего из имеющихся напоминает лист, опубликованный Ф. И. фон Страленбергом³⁴. Это, однако, не может служить доказательством происхождения данной рукописи

истории русского освоения Южной Сибири В. Б. Бородаева, которое он высказал в электронной переписке со мной, очень сомнительно, чтобы в районе самого Бийска могли быть обнаружены тибетские письма. Он полагает более вероятным, что речь идет об иртышских листах, привезенных кем-то из военных или поселенцев из Тобольска. В городской библиотеке Линчэпинга (Швеция) хранится монгольский лист на синей бумаге того же типа, что имеются в ИВР РАН и в Британской библиотеке (то есть, как я предполагаю, из Семи Палат), и на нем — надпись русским курсивом с упоминанием Белоярской крепости, а таковая имелась неподалеку от Бикатуна. На мой взгляд, нельзя исключать, что это один из двух бикатунских листов — возможно, второй, так как первый Ф. И. фон Страленберг определил как тибетский. Этот лист и еще два (один тибетский, другой монгольский, оба из Аблайхита) оказались в Линчэпинге благодаря местному епископу Э. Бенцелиусу, живо интересовавшемуся наукой (подробнее см.: *Zorin A. Tibetan Buddhist Texts... P. 11, fig. 21*). В Линчэпинге сохранилось также письмо Страленберга епископу, из которого следует, что он еще в 1724 г. присылал ему для ознакомления тот самый приенисейский лист, который опубликовал потом в своей книге. Возможностью познакомиться с монгольскими и тибетскими листами я обязан М. фон Вахенфельдту, сотруднику городской библиотеки Линчэпинга, а с письмом Страленберга — исследовательнице М. Нюман, изучавшей связанные с ним документы. Теперь это важнейшее письмо становится доступным благодаря публикации в данном сборнике, подготовленной В. Лефельдтом, М. Кнюппелем, И. В. Тункиной и А. Х. Элертом. Хочу подчеркнуть, что высказанное мной предположение о связи Линчэпингского листа со Страленбергом и тем более с Бикатуном является только гипотезой.

³³ «Auch schenkte er [Karabandi] mir zu meiner Übung im Lesen ein Manuscriptum von drei bis vier Blättlein welches zwar sauber geschrieben, aber bereits sehr zugeschmutzet ware» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1964. Tl. 2 : Tagebuchaufzeichnungen, Januar 1723 — Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 253*).

³⁴ Факсимильное издание рукописи прилагается к статье: *Зорин А. В. «Садхана Разноцветного Джьяна-Гаруды» Панчен-Ламы IV (по одной из первых тибетских рукописей в собрании РАН) // Религиоведческие исследования. 2019. № 1 (19). С. 74–100.*

из святилища, найденного рядом с Хемчиком, так как подобные рукописи могли быть распространены и в Бурятии.

2. Упомянутая выше рукопись с автографом Д. Г. Мессершмидта, состоящая из пяти листов удлинённого формата, из которых только один дошел до нас неповрежденным. Остальные листы распались на две части, при этом два листа сохранились полностью (то есть каждый в двух фрагментах), а от еще двух имеется только по фрагменту³⁵. Хотя такое положение вещей хорошо соотносится с нечеткостью в дневниковой записи, все же общее количество фрагментов должно было бы дать Мессершмидту сумму в 4–5 листов, а не 3–4. Кроме того, эта рукопись написана полууставным письмом *умэ* и логично было бы ожидать, что Мессершмидт отметил бы в дневнике это обстоятельство.

16 мая 1724 г. Кара-Банди принес ему завернутую в *хадак* (шарф для подношений) «печатную тангутскую книжицу» для упражнений в тибетском языке, тем самым исполняя просьбу немецкого путешественника, высказанную им 14 апреля³⁶.

С большой долей уверенности можно полагать, что здесь говорится о ксилографической азбуке, которая была впоследствии использована в публикации Т. З. Байера³⁷.

5 марта 1725 г. Кара-Банди, помимо «нескольких старых запачканных книжечек на монгольском языке», вручил Д. Г. Мессершмидту «4 или 5 листов с тангутскими словами и цифрами, так что не стоило и трудиться» (приносить их)³⁸.

В данной записи содержится слишком мало информации, чтобы можно было что-либо утверждать наверняка, хотя, очевидно, речь идет об одиночных простых листах, которые поэтому могли казаться Д. Г. Мессершмидту не имеющими ценности. Из оставшихся не рассмотренными листов в собрании ИВР РАН ближе всего к такому туманному определению находится непритязательно выглядящий лист бумаги российского производства, сложенный вчетверо и содержащий несколько строк текста жанра *солдэп* (хвалы учителям, составляющим линию передачи некоего учения)³⁹. Еще две единицы хранения представляют собой фрагменты рукописей

³⁵ Отдельным частям этой рукописи при инвентаризации оказались присвоены три шифра: Tib. 970, Nos. 42, 56, 106.

³⁶ «In dieser fascia oder Écharpen hatte er ein klein tangutisches gedrucktes Buch eingewickelt, so sich nach der Rundung des Leibes oder Rückens vielmehr akkomodierte, ohne beschädigt zu werden, für mich mitgebracht, weil ich ihn die 14. Aprilis darumb gebeten, umb zu meinem eigenen Gebrauch und Übung in der tangutischen Sprachen mich dessen zu bedienen» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1966. Тл. 3 : Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724 – Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. S. 22*).

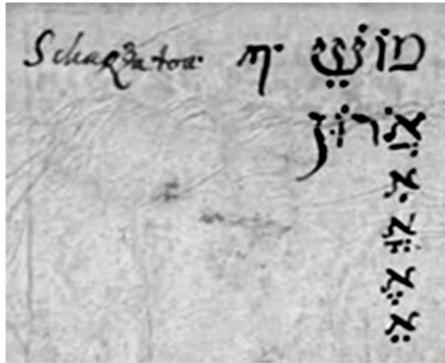
³⁷ Ксилограф был передан в Монгольский фонд ИВР РАН и получил шифр Q 4744.

³⁸ «Inzwischen aber kame Lamas Karabandi... und lieferte mir einige alte schmutzige Lapp-Bücherlein in mungulischer Sprachen... item 4 bis 5 Blättlein tangutische Vokabulen und Zahlen, so aber alle nicht der Mühe wert waren» (*Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien... Тл. 4. S. 18*).

³⁹ Tib. 970, No. 43.

удлиненного формата с использованием письма *умэ*⁴⁰. Сложно сказать, могут ли они относиться к той партии, которую Мессершмидт получил 5 марта 1725 г. Листов, где какую-либо заметную роль играли бы тибетские цифры, среди рассматриваемых рукописей нет. Возможно, они еще будут выявлены.

Наконец, запись от 11 марта 1725 г. содержит чрезвычайно ценные сведения об очередной встрече немецкого путешественника с Кара-Банди, а также его учителем монгольского языка, которого он именует Бунда-Пакше. Здесь, среди прочего, говорится следующее: «В тангутских книгах я заметил, что тангутская [буква] η всегда пишется на месте номеров листов или страниц, следовательно, означает вовсе не нумерацию, а что-то другое. — Кроме того, я рассказал им коротко историю творения (*historiam creationis*), затем о Ное и, наконец, о Моисее, Аароне, божественном законе (*legis divinae*), медном змее (*serpentis aenei*) и т. д. и также написал имена Моисея, Аарона и т. д. на иврите». Нет никаких сомнений, что в этом фрагменте текста речь идет не о чем ином, как об упоминавшемся выше автографе, долгое время представлявшем для меня загадку. Найденное объяснение, впрочем, остается неполным: латинская часть записи по-прежнему не до конца ясна⁴¹.



Таким образом, нам известно, что в Забайкалье Д. Г. Мессершмидт получил от своего «тангутского» учителя одну тибетскую рукопись из 3–4 листов, один небольшой ксилограф и четыре или пять отдельных листов. Они дополнили его тибетское собрание, которое к тому времени состояло из: 1) гипотетически имевшихся у него семипалатинских рукописей

⁴⁰ Tib. 970, No. 108.

⁴¹ Моей рабочей версией остается следующая: латинскую запись следует поделить на три части: 1) слово «schaq», обозначающее, несомненно, тибетское полууставное письмо (им написана рукопись, к которой относится данный лист), 2) некий (напоминающий ξ) знак, разделяющий две смысловые части латинской записи, 3) сочетание «atoæ» — возможно, отсылающее коротко к записи огласовок буквы алеф: «a to æ» = «от а до æ».

(на синей бумаге), 2) двух аблай-хитских листов, приобретенных в Абакане (на черной бумаге), и 3) нескольких листов, полученных им от И. Нашивошникова (по свидетельству последнего, они были на синей бумаге, но уверенными в этом мы быть не можем, поскольку текст, опубликованный Ф. И. фон Страленбергом, опровергает категоричность данного утверждения). Абаканские листы были отданы Д. Г. Мессершмидтом от других для передачи в государственную собственность, тогда как остальные он рассматривал как часть своей личной библиотеки. Тем не менее они были у него конфискованы в Санкт-Петербурге. В Тибетском фонде ИВР РАН выявлены две единицы хранения с автографами Мессершмидта, что позволяет уверенно относить их к коллекции немецкого ученого. Оба этих текста, скорее всего, были получены им от Кара-Банди. Еще одна рукопись (имеющая следы «ученического» использования) могла быть получена им как от Кара-Банди, так и от И. Нашивошникова. Несколько фрагментов других рукописей на некрашеной бумаге идентифицируются с еще большей степенью гипотетичности. Из двух «абаканских» листов (на черной бумаге) один можно считать обнаруженным несомненно, другой либо не дошел до наших дней, либо, с намного меньшей вероятностью, также может быть идентифицирован (см. о них статью А. В. Зорина «О тибетских рукописях, приобретенных Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге в 1721 г.» в настоящем сборнике). Синие листы из Тобольска, если таковые имелись в его коллекции, могут находиться среди 33 единиц хранения, идентифицируемых как семипалатинские. Синие листы, которые могли быть получены от И. Нашивошникова, пока не выявлены.

Хотя приведенные выше заключения носят отчасти предположительный характер, нельзя не порадоваться тому обстоятельству, что еще недавно отсутствовавшие в поле зрения исследователей, словно бы растворившиеся в веках тибетские тексты из коллекции Даниэля Готлиба Мессершмидта снова выходят на свет, дополняя наши знания о научном наследии этого выдающегося ученого и путешественника.